

Рина Церус

ЗАУНЫВНЕНСКИЙ
ШЛАК

Рина Церус

Заунывненский шлак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29416166

SelfPub; 2018

Аннотация

Заунывненск – город в Усть-Задупинской области, один из мировых лидеров в сфере производства шлаков и канцерогенов. Как и всякий промышленный моногород, Заунывненск погружён в ядовитый смог и хроническую депрессию. А ещё в Заунывненске живёт некрасивая девочка по имени Тлена Безысходнова, с которой регулярно происходят всякие странные и нелепые вещи...

Поздравляю, вы в Заунывненске (непредумышленное вступление)

С вами Рина Церус. Я буду вашим печальным гидом здесь, в самом безблагодатном населённом пункте Этой Страны.

Заунывненск – город в Усть-Задупинской области. Один из мировых лидеров в сфере производства шлаков и канцерогенов. Градообразующее предприятие – Заунывненский ордена Тленина шлакоизготовительный комбинат (владелец – г-н Мордашников).

Помимо Шлакоизготовительного комбината, в городе можно найти Заунывненский институт чеготоведения и Драматичный театр музыкальной трагедии. Сфера интеллектуального досуга широко представлена лавочками у подъездов, а также сетью алкомаркетов «Чёрное и серое». Да, есть ещё Дом культуры шлакоизготовителей. При нём действует студия народных танцев «Дубинушка», хор ветеранов «Подколодушка» и школа фотомоделей «Ябагиня». Раньше была ещё студия красоты «Какангел», но её, увы, закрыли по решению суда, а её владелицу – по статье 240 УК (части 1,2,3).

В этом печальном сборнике вы обнаружите сказки про Тлену Безысходнову, а также познакомитесь кое с кем из её земляков: школьником Уколей Козлищевым, инженером Тщетновским, журналистом Мимосмысловым и прочими обитателями легенДРаного Заунывненска.

Тлена и старушка с косой

В городе Заунывненске, в серой хрущёвке на улице Тленина жила-была девочка Тлена Безысходнова. Ходила через дорогу в Очень Среднюю Школу, собиралась поступать в Заунывненский Ордена Тленина институт чеготоведения, на факультет филологии или демагогики, уж куда повезёт по баллам. Училась Тлена средненько, ибо тлениво было, да и учителя были так себе. И вот однажды, возвращаясь из школы, Тлена потеряла ключи от квартиры и смысл от жизни. Обнаружив такую пичаль-биду возле своего подъезда, Тлена села на раздолбанную скамеечку и принялась в задумчивости тереть облупленным носком дерматинового ботинка чей-то слюнявый окурочок. В грязь под ногами закапали слёзы.

Мимо шла костлявая старушка в чёрном, с косой. Коса была тоненькая и седая, уложенная на голове старушки корзиночкой. «Почему ты плачешь?» – спросила старушка с косой. «Я потеряла ключи от дома и смысл от жизни, – ответила, всхлипнув, Тлена. – Теперь меня мать убьёт».

«Не плачь. Пошли поищем вместе. Мне ведь делать всё равно нечего», – сказала старушка с косой.

И они пошли. Обрыскали ломаные кусты в палисаднике и площадку с детской горкой, что вела напрямиком в лужу. Нашли смятую банку из-под «Яги», разбитое зеркальце и разодранную в клочья открытку-валентинку. Ещё нашли облезлый остов прошлогодней ёлки с обрывками помутневшей канители. Безголовую куклу нашли. Чьи-то какашки нашли. Возле проезжей части наткнулись на кроссовку «adeadass»,

а в нескольких метрах от неё – на вторую.

Смеркалось. Дул мрачный ветер, завивая по подворотням кривые мусорные вальсы. Использованные шприцы капились по земле, натываясь на обрывки местной газеты со статьями про славу людей труда и советами, как в домашних условиях приготовить хрен. Зажглась вывеска бюро ритуальных услуг, а рядом – лампочка над пивной. В соседнем квартале гудела пьяная брань и вздымался истеричный женский рык. За чьей-то открытой шторкой синими пятнами мельтешил телевизор. В телевизоре кого-то убивали. А может, там выступал президент на съезде партии «Крысиная Россия».

Внезапно старушка пнула что-то ногой, и оно зазвенело. «Мои ключи!» – взвизгнула Тлена, и по её мышинному личику пронеслась гримаса надежды и суетливой радости.

Да, это были ключи. Правда, без брелока в виде розового сердечка. Брелок оторвали и, видимо, свистнули, а ключи бросили под ноги. «Да-да, на этом месте за мной гнались мальчишки. Они хотели бросить в меня тряпку из школьного туалета... Потом меня здесь чуть не сбила машина, я еле еле отпрыгнула в сторону, сумка расстегнулась... – бормотала Тлена, вспоминая. – Но почему же мы нашли только ключи? Было же КОЕ-ЧТО ещё...»

Старушка с косой прищёлкнула языком по ту сторону могучей вставной челюсти, провела ногой по жухлой траве и сказала: «Если бы это КОЕ-ЧТО у тебя действительно было, мы бы его тоже нашли. Украсть эдакую фитюльку никто не

мог, кому она, к свиньям, нужна. Вывод у меня напрашивается только один: если мы это не нашли, то этого у тебя и не было. Как не было смартфона и золотых серёжек, потому что твои родители нищоброды. Поэтому не трать время, своё и моё, не ищи свой смысл жизни. Его просто не было, нет и не будет никогда!»

Тут старуха с косою махнула своей кошёлкой и попала Тлене по спине. Тлена отшатнулась и села попой в грязную лужу.

«Ай, моя школьная юбочка! Теперь мать меня точно убьёт...»

Старуха отвернулась и пошла прочь. А Тлена кое-как выбралась из лужи и, тихо рыдая, пошла домой.

Мокрицы и компот

У Тлены Безысходной был старший брат по имени Тлеонид. Когда он был маленьким, а Тлена – очень маленькой, они часто играли вместе. Игры придумывал брат, он вообще был выдумщик. Так, Тлеонид хватал сестру поперёк пуза, подносил к раскрытому окну и вытягивал руки. Тлена зависала над далёким асфальтом, а Тлеонид очень серьёзно говорил, что сейчас выбросит её вниз, чтобы посмотреть, как она полетит. А потом займёт её угол в комнате, а дедушкину ширму оттуда выбросит нахрен. Это была очень смешная игра, потому что жили дети на пятом этаже, а руки у Тлеонида были слабые.

Ещё Тлеонид любил играть в собаки-догоняки. Догонякой

всегда был он, а Тлена, соответственно, убегакой. Не потому, что сильно этого хотела – просто оно так всегда получалось. Никому ведь не хочется получить от братика по затылку за самовольство, ведь правда? Вот и убегала Тлена от братика. Убегала всегда в одно и то же место – в совмещённый санузел, потому что из комнат братик её быстро вытеснял с помощью мокрой тряпки, дохлой жабы и прочих весёлых вещей. Загнав Тлену сортир, Тлеонид её тут же там запирали и уходил заниматься своими делами. Иногда к друзьям. Иногда надолго. Так что, значительную часть своего детства Тлена провела запертой в туалете, в компании мокриц и пауков. Со временем Тлена привыкла беседовать с ними, а иногда – если Тлеонид уходил особенно надолго, а мать работала сутки-через-трое – Тлена своих собеседников ела. Надо ведь было ей что-то есть. Если вчерашний суп и позавчерашние макароны в холодильнике, а тебя с твоим расквашенным носом и синяками заперли в сортире, то что прикажете делать?

Мокрицы похрустывали на зубах. Тлена ела их десятками, но они, к счастью, не переводились. Благо, под ванной и за унитазом было всегда мокро и склизко. Тлене даже нравились мокрицы. А вот пауки – не очень. Попробуйте сами и убедитесь, как это невкусно.

Когда Тлеонид вырос, он пошёл работать на Градообразующее Предприятие, Заунывненский шлакоизготовительный завод имени Ежова. Как-то раз Тлеонид шёл с обеда по цеху и ковырял грязной щепочкой в дупле гнилого зуба (что-то

съедобное там застряло). Внезапно каретка, полная металлолома, сорвалась с цехового крана и упала прямо на Тлеонида и ещё на одного мужика, тащившего моток какого-то кабеля. Мужик умер сразу, не выпуская кабеля из рук. А Тлеонид ещё помучился в больнице, но потом отдал концы и он.

Руководство шлакоизготовительного завода тайным распоряжением лишило начальника цеха премии. С жены мужика с кабелем и родителей Тлеонида были взяты подписки о том, что они никогда-никогда никому-никому не расскажут, как погибли их муж и сын. А в утешение дали немножко денег на похороны. Внутренняя служба безопасности завода провела собственное расследование и пришла к выводу, что погибшие были виноваты сами, по вине нарушения техники безопасности. Нечего шастать под цеховым краном. Шлакоизготовительный завод очень трепетно относился к своей репутации.

Хоронили Тлеонида в закрытом гробу. Было душное, пыльное лето. К тому же, в морге испортился холодильник.

Тлена тихонечко грызла печенье в толпе безутешных родственников. Когда же могилу зарыли и поставили на неё голубую пирамидку с православным крестиком, а все родственники пошли к автобусам, чтобы ехать пить водку и есть рисовую кашу, Тлена чуть-чуть приотстала и вернулась к месту погребения. Там она достала из кармана небольшой кулёчек и высыпала из него на свежую могилу горсть дохлых мокриц.

«Да будет земля тебе пухом. Винни-Пухом», – прошептала Тлена, бросила смятую бумажку на соседнюю могилу и пошла к автобусу. Тлена не плакала. Она знала, что в столовой её ждут компот и булочки.

Никчемухин и носки

Носки, как известно, живут парами. Но под воздействием воды и стирального порошка пары распадаются, порой навсегда. Пока физики ищут объяснение этому феномену, Никчемухин роется в унылой сморщенной куче, снятой с сушилки. Чёрный гладкий, чёрный в рубчик, тёмно-серый в шашку, иссиня-чёрный с двойной пяткой, серый без пятки и тут же почему-то синий крапчатый и зелёный с начёсом. Ясно, что нужен какой-то ключ, какая-то матрица, метод и система. Но системы нет. А Никчемухину срочно нужна пара носков, чтобы сходить за хлебом.

«Да какого же наконец! – бунтует Никчемухин. – Через дорогу сбегать: туда минута, сюда минута. Не буду же я разуваться в магазине. И никто-никто на свете не узнает, если...»

Он не глядя цапнул наугад. Поймал тёмно-серый в шашку и крапчатый синий. При всей кричащей несхожести, у них было нечто общее: по большой круглой дыре на пятках и пониже пальцев. Но Никчемухин же собирался не в гости и не в больницу, а всего лишь в магазин. Утратив последний стыд, он надел кроссовки «ADEADASS» и выскочил на улицу.

О чём думал Никчемухин, преходя дорогу? О чём угодно, только не об одном юноше из хорошей семьи, которому папа

подарил на восемнадцатилетие водительские права. Юноша был так счастлив, что тут же выпил две бутылки шампанского и сел за руль. Щёки у него цвели как розы, а глаза сияли, как битые стёкла. Не разбирая знаков и светофоров, он летел на своей праворульной колымаге, танцуя востроносым башмаком на педали газа.

Внезапно танец оборвался. Тряхнуло, ударило, завизжало и перевернулось. Никчемухин вылетел из кроссовок, прокатился по капоту и провалился в черноту.

Сонная улица проснулась и загалдела. Движение встало. Водители и пешеходы плотно обступили перевернутую машину со скомканным передом и человека со скомканной головой.

«Круто, череп в лепёшку...»

«Смотри-ка, у него разные носки...»

«И оба рваные...»

«Фу, как стрёмно...»

«Не хотел бы я так...»

Подлетела дорожная полиция, зафиксировала событие на служебную камеру. Так носки Никчемухина навеки остались в полицейских архивах и попали в вечерний выпуск теленовостей.

А потом Никчемухина увезли в морг. Вариантов не было. Ведь даже дети знают, что если человек при столкновении с машиной вылетает из собственных башмаков, везти в реанимацию его бессмысленно.

В морге Никчемухина записали и отправили в холодильник. Тамошние санитары, как известно, самые весёлые люди на свете. Раздевая Никчемухина, они тут же засняли его носки на свои телефоны и выложили картинки в Интернете, где носки моментально набрали по сотне лайков и перепостов. А потом санитары напихали Никчемухину в голову мятых газет и зашили её как попало – и полчаса не прошло.

Над юношей из хорошей семьи трудиться пришлось по-дольше: его отец настаивал, чтобы сын выглядел в гробу как живой. И заплатил по-царски за бальзамы и за грим.

А кроссовки «ADEADASS» так и остались лежать у дороги.

Про фею

Как-то раз Тлена Безысходнова сидела за кухонным столом, меняла местами солонку и перечницу, грызла поочерёдно то карандаш, то ноготь, и то и дело застывала, глядя в окно. Это называлось «учить уроки». В окне тянулись какие-то провода, на проводах метался на ветру грязный пластиковый пакет – словно тормозной парашют какого-то летательного аппарата, на котором не хотелось бы никуда полететь.

Вдруг звякнула форточка, и в кухню влетела маленькая фея. На фее было длинное, узкое голубое платьице; красивую голову украшали выпуклые очки, как у кинозвёзд, а за спиной трепетали хрупкие крылышки, сотканные из радужной плёнки.

«Здравствуй, Тленочка, – прозвенел добрый голосок

феи. – Скучаешь? Конечно, скучаешь. Учить уроки – это так скучно».

«Мне и без уроков невесело, – вздохнула Тлена. – Вчера мама отлупила меня за порванную кофту. А кофта сама порвалась, когда я через забор за мячиком лазила».

«Ну, хоть мячик-то достала?» – участливо спросила фея.

«Нет, не достала. Его большие девочки забрали, и за это мне тоже влетело».

«Ах, бедная, бедная Тленочка! – затрепетала крылышками фея. – А что в школе у тебя? Много пятёрок?»

«Пятёрок нет совсем. Если бы у нас в школе было рисование, у меня были бы пятёрки. Но учительница рисования от нас ушла, она теперь в рекламном агентстве работает, а у нас нету рисования. И пятёрок у меня нет».

«Ну, нашла из-за чего переживать. Есть пятёрки, нет пятёрок – всё едино. Я ещё не встречала ни одной отличницы, которая была бы счастлива в личной и семейной жизни».

«А я буду счастлива в личной и семейной жизни?» – спросила Тлена, хрустнув карандашом в зубах.

«Конечно, будешь! Ты ведь будущая красавица! Вот погоди год-другой – и все знакомые мальчики будут сходить по тебе с ума, караулить после школы с букетами и конфетами. А потом ты встретишь свою любовь и выйдешь замуж. Твой избранник будет похож на Эдварда Каллена, только светленький. Тебе же нравятся светленькие мальчики?»

«Да, очень нравятся! А он не будет меня бить, как папа

бил маму?»

«Нет, что ты! Он будет носить тебя на руках, дарить золото и туфли на каблуках. А потом у вас родятся детки, мальчик и девочка. Но сначала ты закончишь институт и будешь работать в Престижной Фирме».

«А кем я буду там работать?»

«Ну-у, кем... – задумалась фея. – Неважно кем. Просто работать. В Престижной Фирме. Как все красивые девушки работают. А по выходным будешь ходить по дорогим магазинам и в салон красоты. А в один прекрасный день ты познакомишься с Выдающимся Продюсером и он пригласит тебя сниматься в...»

Но фея не успела договорить. Скрипнула дверь, и на кухню вошла Тленина мама.

«Ну-ка, чем ты там занимаешься? Дописала упражнение? Нет?! Да вы посмотрите на неё! Тупая тварь! Мозгов у неё не хватает, чтобы полтора слова написать! Поганка чёртова!!! Уроки не учены, а она сидит тут со стрекозой разговаривает!»

Тут Тленина мама схватила в толстую руку мокрую тряпку и яростно размахнулась.

Хрупкое голубое тельце упало на клеёнку, дрожа переломанными крыльями.

«Мама! Ты убила мою фею!!!» – закричала Тлена. Но никто её не услышал.

Кругом виновата

Как-то раз бабушка Тлены Безысходновой подарила ей пятьсот рублей. «Только дедушке не говори», – поджав губы, попросила бабушка.

«И маме не скажу», – подумала Тлена. И не сказала.

Школу в тот день Тлена решила прогулять. Солнышко светило ярко, на городских клумбах доцветали осенние бархатцы, а кленовые листья желтели так, будто вовсе не собирались превратиться в кваклую бурую кашу под ногами прохожих не далее чем через неделю. Словом, славный денёк. Жаль портить такой шестью уроками, из которых третьим шли «Основы православной культуры», а пятым – математика. К тому же, в кармашке лежала умопомрачительная сумма – целых пятьсот рублей! Сколько можно купить на них шоколадок, жвачки, кока-колы... Да ещё и на пластмассовые китайские бусики осталось бы. Правда, мама спросит: «Откуда у тебя бусики?! Ах, купила... И на какие деньги?! Откуда ты их взяла?! Украла?! Ах, бабушка дала... Вы посмотрите на эту тварь! Мне ей на учебники не хватает, а она себе на бабкины деньги побрякушки покупает!» Нет, лучше не покупать бусики. Лучше купить побольше шоколадок, а ещё чипсов, крекеров и пирожных с кремом. И кока-колы. И орешков. И чупа-чупс на палочке.

Глазки у Тлены загорелись потаённой радостью. Она пошла напрямиком на вокзал, где было много ларьков со вкусными вещами. На привокзальной площади Тлена достала из кармана бумажку и стала ею любоваться. Какая же она

красивая... Особенно хорош круглый значок с орлом в левом верхнем углу. Искристый такой... Прищурившись, Тлена смотрела, как он вспыхивает и переливается, если денежку чуть-чуть повернуть.

Внезапно кто-то тронул за локоток. Обернувшись, Тлена увидела молодую смуглую женщину в длинной зелёной юбке с воланами. Из-под вязаной кофты с люрексом у женщины выпирал беременный живот, а в ушах, на пальцах и во рту ярко горело золото.

«Ай, молодая-красивая, можно тебя на минуточку? Я тебе что скажу, девушка, молодая-красивая...»

Тлена замерла. Ей очень понравилось, что её, школьницу, назвали «девушкой». А ещё ей очень понравилось, что её назвали «красивой».

А женщина с животом, сверкая зубами, продолжала говорить удивительные, важные и пугающие вещи. Оказывается, на Тлене лежит чёрная печать, наведённая злой женщиной. И на матери тоже лежит печать, и если Тлена немедленно что-то не сделает, её мать заболеет и умрёт, а сама Тлена никогда не сможет родить здоровых детей, потому что и на детях будет чёрная печать.

«Что же мне делать?!» – обмерев, пролепетала Тлена.

И добрая золотозубая женщина её тут же научила. Вот что у Тлены в руках? Денежка. Денежку эту надо, зажмурившись, крепко зажать в кулаке, а женщина прочтёт на неё специальное заклинание и даст особенную бумажку со знаками.

Что делать с бумажкой – женщина объяснит.

Тлена испугалась, зажала денежку в кулаке и зажмурилась. Женщина забормотала какие-то заклинания и громко дунула, чтобы закрепить магический успех. Ффук!

И тут Тлена открыла глаза. Разжала кулачок – там лежала сложенная вчетверо этикетка от кока-колы. Никаких специальных знаков на ней не было. Золотозубой женщины тоже рядом не было. Тлена огляделась по сторонам. На той стороне площади, среди машин, мелькала зелёная юбка с воланами.

Тлена ещё раз посмотрела на этикетку и вдруг, словно ударенная по голове, помчалась через площадь. Но зелёные воланы словно растворились в толпе. Тлена бросила этикетку в шапку серо-бурого привокзального нищего, захныкала и пошла домой. Она понимала, что провинилась и наказана. Не надо было прогуливать школу. Не надо было скрывать от матери, что бабушка подарила ей пятьсот рублей. Конечно, мать тут же сказала бы, что Тлене нужно купить новый пенал вместо потерянного, а ещё тетрадок. И забрала бы денежку на сохранение. Но это было бы вполне обычным делом. Безо всякой магии, мистики и колдовства. Обычным таким, нормальным, домашним делом. А так получается, что Тлена стала жертвой... чего? Хорошо, если настоящего колдовства. Хуже, если просто ловкого обмана.

Что ж, сама виновата. Только сама. Виновата. Кругом виновата.

Божественная малакология

Студентка Поля Сорнякова зашла в зоомагазин и купила себе подарок – пару сухопутных улиток. Дома она посадила их в просторный стеклянный ящик с мягким грунтом, обрызгала водой и накормила тыквой. Улитки стали жить и расти. Им было очень хорошо. Радостно было Поле глядеть на них через стекло.

«Тут, за стеклом, у них отдельный мир, – думала Поля. – Тихо, влажно и беспечно. Живут улиточки, даже близко не зная, откуда в их мире берётся еда, кто смачивает грунт, убирает какашки... Они ничего не слышат, потому что слух им не нужен. И видят плохо, потому что сильное зрение им тоже ни к чему. Но что было бы, если б улиточкам стало известно, что в нескольких сантиметрах от них, по ту сторону стекла, Всё Совершенно Другое?!»

От этой мысли Поле стало жутко. И в самом деле: Всё, лежащее за пределами стеклянных стен, было Совершенно Другое и Безмерно Страшное. Там было много громоздких предметов, способных раздавить хрупкий панцирь одним прикосновением. А ещё было много пыли, соли и моющих средств. Кроме того, там, снаружи, обитало смертоносное чудовище по имени Пумка. У Пумки были когти, зубы, чуткие уши, зоркие глаза и любознательная натура.

Однажды Поля Сорнякова сняла стеклянный ящик с полки, поставила на пол и открыла, чтобы навести внутри порядок. Одна из улиточек поднялась по стенке до самого верха

и, не встретив преграды, вытянула скользкую рогатую голову за край. Рядом крутилась бесшумная Пумка.

Поля чуть отвлеклась, вычищая кормушку. И не успела Поля опомниться, как Пумка подошла к ящику и стукнула улитку лапой по голове.

«А ну брысь отсюда! Пщ-пщ-пщ!!!» – зашипела-затопа-ла Поля и с мучительным близоруким прищуром принялась рассматривать потерпевшую.

Кажется, пронесло. Вовремя убрала голову в панцирь. А Пумка, к счастью, не выпустила когтей при ударе. Постепенно придя в себя, улиточка снова подняла рога, приняла душ из цветочного пульверизатора и заскользила вниз по стенке, где её ждал свежий огурец, посыпанный кормовым мелом.

Улитки похрустывали огурцом, Поля смотрела на них и улыбалась, поглаживая давно прощённую Пумку. Вот ведь оно как получается: для этих кротких рогатых молчуний неприметная, дюжинная девушка Поля Сорнякова – самое настоящее Всесильное Существо. В её силах улиточек убить: раздавить в кулаке, осыпать солью или просто бросить на произвол судьбы в открытом ящике Пумке на радость. Но Поля – не только Всесильное, но и Всеблагое Существо. Она любит своих улиточек и никогда не допустит, чтобы им было плохо. Пока они живы – а живут они лет по десять – Поля будет бережно хранить границы их беспечального мира. Чтобы он не вступил во взаимодействие с миром внешним, где всё так страшно и непостижимо для беззащитного, глу-

хого и полуслепého создания. Где ему уготована одна-единственная роль – роль жертвы.

Поля шла в институт и весело думала об улиточках, о своей всеблагости и всесильности. По сторонам она почти не смотрела. И когда на пути Поли попала заградительная бечева с красными тряпицами, Поля рассеянно перешагнула через неё и, не обращая внимания на чей-то окрик, двинулась дальше по тротуару, усеянному кусками битого шифера.

Огромный шиферный лист, сброшенный с крыши равнодушными жилищно-коммунальными руками, приземлился прямо на голову Поли Сорняковой.

...Кто-то огромный и непостижимый, положив незримые руки на незримые стеклянные стенки, смотрел сверху. Ему достаточно было протянуть палец или просто сказать «Пщ-пщ!», чтобы смертоносный лист упал не на Полю, а метром дальше. Но огромный и непостижимый этого не сделал. Более того: он с большим интересом наблюдал за тем, как Поля перешагивает через красные тряпицы, а жилищно-коммунальные руки отправляют лист в полёт.

Всесильный не был всеблагим. Полуслепая и беззащитная Поля Сорнякова ему давно надоела. К тому же, он знал про неё кое-какие скользкие вещи.

Печалька и Катастрофочка

Однажды Тлена Безысходнова шла через автостоянку во дворе. Машины стояли так тесно, что между ними прихо-

дилось буквально ввинчиваться. Ненароком коснувшись измызанного бока чьей-то жёлтой «Лады-Крушины», Тлена испачкала свитер.

«Ай, печалька!» – досадливо вскрикнула Тлена.

«Я ту-ут!» – раздался рядом неуловимый голосишко.

«Ты кто?» – спросила Тлена, оглядевшись.

«Я – твоя Печалька. Сегодня я буду пятном на свитере. Завтра – сломанным карандашом на геометрии, послезавтра – ну, не знаю, может, потерянной заколкой или нулевым балансом на телефоне».

«Печалька сегодня, Печалька завтра, Печалька послезавтра... Не много ли тебя в моей жизни, Печалька?» – укоризненно спросила Тлена.

«В самый раз. У других меня столько же, если не больше. И это – норма!» – заявила Печалька бодрым голосом известной телеведущей.

«Знаешь, что, Печалька? Ты мне не нравишься. Уходи», – почти решительно заявила Тлена.

«Ну, совсем уйти я не могу, – ответила Печалька. – Но могу сделать так, что ты перестанешь меня замечать. И меня как бы не будет».

«Как понять – как бы не будет?»

«А я позову своих старших сестёр, и они прекрасно всё устроят».

Не успела Тлена опомниться, как явились долговязые и зубастые сёстры-Печали, а с ними – ещё одна жирная Печа-

лица. Они тут же устроили затяжной холодный дождь, сломали Тленин зонтик, промочили ей ноги и сделали так, что дикая маршрутка, проносясь по луже, окатила Тлену грязной водой от носа до носков. Тлена пришла домой замёрзшая, мокрая и отвратительно грязная. Вся, с ног до головы. Зато небольшое пятнышко, натёртое о бок чужой машины, стало совершенно незаметным. Да Тлена про него уж и не вспоминала. Всё по-сказанному вышло: большие Печали совершенно вытеснили из Тлениных мыслей малую Печальку.

Когда Тлена выздоровела после ОРЗ, ей посчастливилось найти во дворе школы две монетки по десять рублей. Тлена очень обрадовалась, ведь обычно деньги теряла она, а тут потерял кто-то другой, чтобы Тлена взяла и нашла.

Куда понесла Тлена эти двадцать рублей? Конечно, в киоск с мороженым. Там она выбрала себе большое эскимо на палочке, в плотной шоколадной скорлупе. К сожалению, эта вкусная скорлупа откалывалась широкими пластинками, а Тлена не успевала подхватывать их на лету. Когда откололся особенно большой кусок, Тлена всё же попыталась его поймать, но не поймала, а уронила наземь всё мороженое (съеденное едва ли на четверть).

«Ка-та-стро-фа!» – скорбно ахнула Тлена.

«Я не Катастрофа. Я Катастрофочка, – проскрипел у самой земли чей-то заунывный голос. – Меня мало не бывает. И это – норма! Но я могу сделать так, что обо мне никто и не вспомнит...»

Оплакивая мороженое, Тлена не заметила, что стоит на проезжей части. Какой-то невротик на раздрызганных тор- мозах вылетел из-за угла, потерял управление и со всей дури наскочил на Тлену.

Очнулась Тлена в больнице, с переломанными костями и сотрясённым мозгом. В больничном окне чернели неряшли- вые вороны гнёзда. Хрипящая брань злых серых птиц была слышна сквозь двойные стёкла. Слева кто-то стонал. Спра- ва кого-то кормили через зонд. Тлена закрыла глаза и стала слушать ворон.

Об эскимо она не вспоминала. Слишком болели кости.

Тлена и кирпич

Как-то раз Тлена Безысходнова гуляла в городском парке. Как всегда, в полном одиночестве. Шуршала опавшей лист- вой, пинала поганки, полторашки из-под пива и всё прочее, что попадает под ноги в городских парках.

«Осторожнее, не задень меня!» – вдруг услышала Тлена.

Среди пыльного бурьяна лежал кирпич. Обычный такой красный кирпич, со слегка пережжённым боком и длинной кривой трещиной.

«Говорящий кирпич?! – изумилась Тлена. – И ты преду- предил меня, чтобы я не задела тебя, чтобы не ударила ногу! Какой ты добрый, какой общительный кирпич! Впервые та- кой встречаю. Мне всё больше попадают кирпичи-молчу- ны. Или кирпичи-раздолбаи, норовящие влететь в учитель- ское окно»...

«А ещё есть такая старинная забава, «Купи кирпич» называется. Но про это тебе знать не обязательно», – промолвил кирпич.

«А про что мне обязательно знать?» – спросила Тлена.

«Таких вещей не так уж много. Во-первых, почаще смотри под ноги и старайся не наступать на канализационные люки. Переходи улицу только на зелёный свет. Не стой под стрелой. Сохраняй билеты до конца поездки. Дату изготовления смотри на упаковке. Требуй долива после отстоя... Впрочем, этому тебя твой папа научит».

«Ты такой умный, кирпич. Ты столько всего знаешь. Скажи, а почему я вечно гуляю в одиночестве? Почему со мной никто в классе не дружит?»

«Видишь ли, Тлена (ты ведь Тлена?)... Твоя проблема в том, что у тебя иное, чем у твоих одноклассников, восприятие себя в мире и мира в себе. У тебя своеобразные эстетические запросы, ты индифферентна по отношению к внешним проявле...»

«Что-то много непонятных слов у тебя, кирпич. Можно чуть попроще?»

«Можно и попроще. Одним словом: ты просто стрёмная. Поэтому и нет у тебя друзей».

«Как понять "стрёмная"?»

«Ну... как понять? Стрёмная – значит стрёмная. У тебя стрёмное лицо, стрёмная одежда и стрёмная манера говорить. Таких, как ты, в классе никогда не любят. Над таки-

ми, как ты, всегда измываются. А некоторые детские психологи и другие дипломированные лодыри дают таким, как ты, всякие наукообразные описания и сочиняют небылицы вроде разнонаправленности жизненных устремлений и всё такое прочее. А на самом деле ты, Тлена, просто стрёмная. Девочкам с тобой не о чем говорить, а мальчикам с тобой нечего делать. Да, кстати, я предостерёг тебя от пинка по мне вовсе не потому, что мне стало жаль твоей ноги. На твою ногу мне наплевать. Она у тебя такая же стрёмная, как и всё остальное. А вот на себя мне не наплевать. Видишь эту трещину? Из-за неё я рискую развалиться надвое от любого паршивого толчка...»

Тлена подняла кирпич и тут же стукнула им по какой-то бетонной штуке, торчавшей из земли. Кирпич развалился и замолчал навек. Одну половинку Тлена утопила в речке Заунывке. Вторую забросила далеко в парк. Ни одно учительское окно при этом не пострадало. Но какое это имеет значение? Всё равно мы все умрём.

Фея розовых цветов

Труслан Кромешнов сидел на поломанной скамейке и пил баночный коктейль «Белладонна». Злой и горестный февральский ветер таскал по заснеженному тротуару мерзкий мусор, а в мрачном небе кружили вороны. Труслан глотал невкусный дешёвый коктейль и думал о самоубийстве. Что уж там говорить, поводов хватало. Во-первых, декан объявил Труслану, что студенты вроде него – это сущий позор для ле-

гендарного Заунывненского института чеготоведения, и мириться с наличием Труслана в славных вузовских стенах деканат более не намерен. Крыть было нечем. Труслан действительно не успевал по всем базовым предметам, включая высшую непониматику, ничертательную нигилометрию и прикладную абсурдологию.

Но проблемами в вузе беды Труслана отнюдь не исчерпывались. Он сильно задолжал соседу-гопнику, а отдавать было нечем. Оставалось продать гитару, увесистую басуху производства Гадовского стружкоизготовительного завода. «Всё равно теперь, – думал Труслан. – Покойникам гитары не нужны, а пацаны из группы найдут себе другого басиста». Группа называлась «Волчий Билет» и творила в собственном уникальном стиле, обозначаемом как «дарк-панк-трэш-хоррор-суисайд-метал». Каждое воскресенье Труслан и его друзья собирались в тесной комнатухе за сценой Дома культуры шлакоизготовителей и репетировали: то есть, пили пиво, чинили списанный усилитель и спорили, кому быть фронтменом. А потом приходила вахтёрша и ворчливо выставляла всю компанию вон.

Тексты для группы писал Труслан. Там были чёрные звёзды, кровохаркающие закаты, кровавые полнолуния и молитвы падшему ангелу. Что ещё сказать о Труслане? Он носил чёрное кашемировое пальто, перстень в виде черепа и длинные волосы, собранные хвостом. Девушкам это нравилось, но счастья почему-то не приносило. Труслану вообще ниче-

го не приносило счастья, и сейчас, сидя на скамейке в задрыстанном сквере, он осознавал сей факт во всей его гадкой полноте. «Лучший способ – подняться на девятый этаж и выйти через окно, – думал Труслан. – Или броситься под грузовик. Да хоть прямо щас!»

О предсмертной записке Труслан не думал. Она давно была написана и лежала в кармане. Труслан допил коктейль и совсем уже приготовился встать со скамейки, как вдруг прямо перед ним завертелись цветные искры, зазвенели незримые колокольчики и в воздухе запахло ландышами. Не успел Труслан как следует офигеть, а искры уж сложились в миниатюрное прелестное существо с золотыми локонами, кукольными ножками в сверкающих туфельках и со стрекозиными крыльями за спиной.

– Привет! – улыбнулось существо. – Я добрая фея Надежда, летаю по миру людей и удерживаю их от непоправимых поступков. Я давно слежу за тем, как ты страдаешь, и прекрасно знаю, что у тебя нынче на уме. Пожалуйста, не делай этого!

Труслан смял в кулаке жестянку из-под «Белладонны» и бросил её на тротуар. Он не знал, как полагается разговаривать с феями. Был бы на её месте какой-нибудь вампир или демон, слова нашлись бы сами. Впрочем, фея Надежда как будто не нуждалась в ответах собеседника и тархтела как заведённая:

– Ты сейчас не понимаешь, как прекрасен этот мир, сколь-

ко в будущем ждёт тебя хорошего, какие поразительные шансы бережёт для тебя судьба! Ты молод, здоров, тебя любят девушки – что ещё желать?! К тому же, человек, попавший под грузовик, очень некрасиво смотрится в гробу. А ты ведь не хочешь быть некрасивым? И у родственников твоих очень дурной вкус. Они купят тебе дешёвый гроб с рюшечками, дадут взятку попу и он отпоёт тебя в церкви, словно какого-нибудь унылого обывателя. А потом все напьются на поминках, и дядю Серю стошнит.

– Но что же мне делать?

– Жить! Поверь на слово: скоро у тебя ВСЁ ИЗМЕНИТСЯ! Вот, возьми этот цветок. Он волшебный, никогда не завянет. В ночь полнолуния окропи его проточной водой и произнеси заклинание: «Чих-пых-перепых!». А потом отнеси на старое кладбище. Ну, улыбнись же! У тебя такая приятная улыбка!

Труслан нехотя оскалил свои кривые зубы, став похожим на человека, съевшего несвежее яйцо. Фея торопливо сунула ему розовый цветок, усыпанный чем-то искристым, и растаяла.

Прошло двадцать лет. И в жизни Труслана Кромешнова, действительно, изменилось всё. Ну, во-первых, он перестал быть молодым и здоровым. Половина волос у него выпала, но оставшуюся половину он по-прежнему носил в виде хвоста, теперь уже сального и тощего. Группа «Волчий Билет» выступила на городском фестивале «Шлак-Рок» и почти по-

бедила в номинации «Утешительный приз»; потом съездила в свой первый и последний гастрольный тур по райцентрам Гадов, Навозово и Нижние Гнильцы, а через год развалилась по экзистенциальным причинам. После отчисления Труслан дважды восстанавливался в институте и дважды отчислялся вновь. К счастью, у него обнаружилось проблемы с сосудами, поэтому в армию его так и не забрали. Где-то в Гадове подрастал внебрачный сын, следствие недолгого и неяркого романа с автовокзальной буфетчицей. Сам Труслан переменял больше десятка рабочих мест, пока не стал грузчиком в промтоварном магазине. Жил он в одной квартире с девяностолетней бабушкой. Она всё чаще путала комнатное кресло с унитазным стульчаком и долго, страшно ругалась, когда Труслан выключал на ночь газовую плиту: спички-то надо экономить! Но физически бабушка была крепенькая, вполне могла дожить и до столетия.

Стихов Труслан давно не сочинял – голова была забита совсем другими, более полезными вещами. Например, где достать денег на культпоход в алкомаркет «Чёрное и серое». Или как отучить бабушку приносить с помойки выброшенную одежду и дохлых голубей.

Однажды Труслан проснулся, встал, запнулся о пустые бутылки и поскользнулся на вчерашней блевотине. Из бабушкиной комнаты пахло мочой, а из кухни – газом. Труслан проверил плиту, выпил воды из-под крана и пополз в прихожую шарить по карманам своего кашемирового пальто (да,

того самого). Но денег на дежурную бутылку пива не оказалось. Можно было бы попросить у бабушки, но днём раньше у неё уже побывал средний сын, дядя Серя, и всё, как обычно, выгреб.

В невымое окно пробивались убогие лучи осеннего солнца, между рамами свисали клочья паутины. Труслан выругался и вспомнил, как двадцать лет назад сидел в сквере, мечтая о раскрытых окнах и грузовиках. Теперь он вдруг подумал о фее. И не успел он о ней подумать, как в комнате, перебивая запах мочи и газа, повеяло ландышами. Зазвенели колокольчики, и на продавленный диван плюхнулась фея.

Она тоже изменилась за двадцать лет: сильно раздалась вширь и обрюзгла. Только волосы были прежние, белокурые. Наверное, фея их подкрашивала.

– Ну, здравствуй! – проворчал Труслан и прибавил нехорошее слово.

– Привет-привет, – истерично улыбнулась фея напояженным ртом. – Что это ты такой мрачный? Опять задумался о самоубийстве?

– А ты сама не видишь? – Труслан картинно развёл руками, зацепив тарелку с присохшей закуской.

– Ну, а ко мне-то какие претензии?!

– Как это «какие»?! Ты мне тогда лапши навешала, сказала про шансы и всё такое. Где они, эти шансы? Может, и правда были, да я прощёлкал по глупости?

– Ну, честно сказать, шансов у тебя не было. И вообще: за

шансами – это не ко мне, а совсем по другому ведомству. А у меня задача узкоспециальная: удерживать людей от непоправимых поступков.

– И что, для этого можно врать и городить чушь?

Фея потупила глазки:

– Ну, зачем так грубо? С нас требуют результат. Главное – результат. Иначе мы останемся без бонусов и премий.

– И за что вам начисляют эти бонусы?

– Ну, там сложная шкала, бухгалтерский расчёт. Зависит ещё от стажа и квалификации. Думаешь, нам, феям, легко живётся? Прицепила униформенные крылышки и порхай себе? Ошибаешься, дорогой! Устаю, как собака. Выматываюсь. И легко ли бывает переубедить человека? Вот вижу я, допустим, девочку молоденькую. С шестнадцати лет копит на пластическую операцию, хочет носик себе подправить, кривенький он у неё с рождения. И косточки на челюсти подтесать, чтобы подбородочек поизящнее был. Ну, страшенькая девочка, парни таких не любят. Но ведь это же природа! А против природы идти грех, нужно ценить то, чем она тебя одарила! В общем, убедила я эту девочку не делать операцию, а отнести накопленные деньги в церковь...

– И как она сейчас, интересно?

– У неё всё хорошо, – торопливо сказала фея, и глазки у неё забегали. – Её окна выходят на районный ЗАГС, и там можно часто видеть красивых невест. Улыбки, цветы! Свадьба – это ведь так замечательно. Сама девочка замуж, ко-

нечно, так и не вышла (кому она нужна с таким-то мордово-ротом, да и годики уже не те). Работает нянечкой в больнице, а по воскресеньям ходит в церковь. Сядет там со старушками и шепчется в уголке. Или на прихожанок покрикивает, если кто без платочка или в джинсах.

– Да уж, завидная судьба, – скривился Труслан. – А может, лучше ей было бы поправить рожу, да и...

– Что ты! А моя премия? Да и самой девочке-то... Вдруг бы она простудилась в больничном коридоре? Или ей попались бы неприятные соседки по палате? Что ты! А вот ещё случай был... Забеременела тут одна. Парень узнал об этом – сразу исчез. А у него ещё с наследственностью было не очень. В общем, хотела девка сделать аборт, но я её отговорила. Дети – это же счастье! А незапланированные дети – это незапланированное счастье. Так и сказала.

– И что теперь с этой девкой?

– У неё всё замечательно! Каждое утро она ходит на работу мимо детского сада, смотрит, как играют нарядные здоровенькие ребятишки. Нет ничего лучше нарядных, здоровеньких ребятишек! А в обед она идёт кормить своего. Его нельзя оставлять одного надолго. Он не держит ложку, не ходит и не говорит, только мычит. Что-то генетическое у него. Врачи говорят, это навсегда. Но представь, что было бы, если бы его мать сделала аборт. Ведь это же убийство!

– Да, конечно, лучше жить и воспитывать овоща... – Труслан чувствовал, что закипает. Но фея не обращала на это

внимания. На неё нашёл стих поболтать, а историй в запасе было немеряно.

– Или вот ещё ситуация. Хотел один человек уехать за границу, с детства мечтал жить на берегу Средиземного моря...

– И тут отговорила?!

– Конечно! Где родился – там и пригодился, со своей землей умри, а не сходи! Родина – это святое.

– И сейчас у этого мужика всё, конечно, очень хорошо?!

Фея не заметила сарказма и продолжала тарыхтеть:

– Конечно, всё хорошо. Ведь он остался на своей земле, где жили его предки. Он не предатель! Взял сейчас кредит, чтобы расплатиться с предыдущим, развёлся... Бизнес потерял (ну, так получилось, конкуренты затёрли, да и с чиновниками сложности вышли). Каждый вечер включает телевизор, видит там красивые, улыбчивые заграничные лица. А нет ничего лучше, когда люди улыба... Что ты делаешь?! Зачем ты схватил бутылку?! А-а-а, крылья, крылья не трогай! Мне же их сдавать под роспись!!! По-мо-ги-и-те!!!

Труслан схватил фею за шиворот, протащил по всей квартире и выбросил за дверь. Вернувшись в комнату, он нашёл там обрывок стрекозиного крыла и пакет с розовыми цветами. Конечно, всё это было сделано из китайской синтетики.

На следующий день Труслан взял на работе аванс, навёстил «Чёрное и серое», а потом попал под автобус. Родственники купили ему дешёвый гроб с рюшечками, но отпевать в церкви не стали, пожадничали.

Потом на могилу Труслана кто-то бросил розовый синтетический цветок, осыпанный люрексом. Таких цветов на кладбище было много. Самое место им там, на кладбище-то.

Тлена и воробушек

Мать всучила Тлене Безысходновой ведро и тряпку:

«Иди помой окно на кухне. Сделай хоть раз в жизни что-то полезное. А то вкалываю на работе как лошадь, только бы тебя прокормить, а ты палец о палец не ударишь, чтобы матери помочь, тварь неблагодарная!»

Тлена поплелась на кухню, раскрыла окно и влезла на подоконник. Мутная вода с тряпки бежала по локтям. Размазывая грязь по стёклам, Тлена топталась босиком в серой мыльной луже на подоконнике и морщилась от отвращения.

«Только бы не поскользнуться и не выпасть в окно», – думала Тлена.

«Поскользнуться? А почему бы нет?!» – раздался бодрый голосок среди кленовой листвы. Тлена оглянулась и увидела воробья. Он сидел на ветке и хитро поглядывал по сторонам, переступая ножками-веточками.

«Чвик-чвик! А ты возьми и поскользнись! Этаж второй, внизу кусты. В кустах – куча тряпок (бомжики натащили, чтобы мягко было спать). Максимум, что тебе грозит, – сломать пару костей. А у маленьких девочек кости срастаются быстро. Зато потом... Вспомни, что было, когда твой папа ещё жил с вами, и мама попросила твоего брата Тлеонида сварить для него картошки».

«Помню, помню. Тлеонид посолил её порошком для чистки унитаза... А когда папу выписали, мама сказала, что никогда в жизни не попросит больше Тлеонида что-нибудь приготовить».

«Вот-вот. Сечёшь параллели? Если ты один раз вывалишься в окно, твоя мама никогда больше не заставит тебя...»

«Это, конечно, да, но... Если я вывалюсь, то, чего доброго, упаду мимо кустов и сильно покалечусь. Меня ведь тогда замуж не возьмут. Калеки никому не нужны».

«О чём ты переживаешь? Замуж тебя и так не возьмут, потому что ты стрёмная. Да и много ли толку в замужестве? Вот когда твоя мама жила с твоим папой, она была сильно счастлива? Вот то-то и оно...»

Тлена беседовала с воробушком, а в это время по палисаднику крался третьеклассник Рваня Слюняшкин. Как замороженный, смотрел он вверх, на окно второго этажа, которое растирала тряпкой большая некрасивая девочка в растянутых тренировочных штанах. Рваня шёл домой в очень грустном настроении. Его главный мучитель, пятиклассник Степан Стаканов, отобрал у него сегодня сто рублей. Потом Рваня получил двойку по русскому. А учитель математики вызвал в школу его родителей. За что? Долго рассказывать. Просто вызвал. И ничего хорошего Рване это, естественно, не сулило.

И вот Рваня увидел в вышине девочку с тряпкой. Если

случится чудо и девочка вывалится в палисадник, будет у Рвани хоть какое-то развлечение в этот безрадостный день. Более того, Рваня загадал: если девочка вывалится, то папа всё-таки купит ему велосипед в зачёт своих алиментов. Он ведь уже три раза обещал – по одному разу в год.

Рваня притаился в кустах, не сводя с Тлены обнадёженных глаз.

Тлена тёрла и тёрла стекло, а воробушек, нечаянный Рванин сторонник, всё чвикал и чвикал. Но ничего интересного в итоге не начвикал. Тлена действительно поскользнулась, но упала не наружу, а внутрь. Опрокинула ведро с грязной водой и растянулась на полу, как жаба.

В последний момент мокрая тряпка вылетела у Тлены из рук и спикировала Рване Слюняшкину прямо на голову.

Рваня снял её и увидел, что это старые трусы. Горько всхлипнул, утёрся рукавом и понуро поплёлся домой.

Воробушек продолжал чvikать в листве, беззаботно болтая сам с собою.

Цветошнота

Тлена Безысходнова гуляла в парке. Печально светило майское солнце, под ногами зеленели выпитые и разбитые бутылки, сверкала мятая фольга и пестрели выброшенные пластиковые мешки. Среди мусора и грязи Тлена увидела цветок промашку и захотела её сорвать.

«Убери руки, дура! – провизжала промашка. – Ты хочешь погадать на мне? А я тебе и без всякого гадания скажу: не

любит. Не любит. НЕ ЛЮБИТ».

«А ты хоть знаешь, на кого я хотела погадать?» – спросила Тлена.

«Это не имеет значения. На кого бы ты ни гадала, ответ всегда будет один и тот же. Разве ты сама не знаешь, что тебя никто не любит?»

«И не полюбит никогда, – раздался рядом горделивый голос. Тлена обернулась и увидела облезлый колючий куст, на котором желтела крохотная одинокая прозочка.

«Почему, почему?!» – спросила Тлена у прозочки.

«Потому что так устроены люди. Они любят только красивых. Или хотя бы необычных, особенных... – жёлтая прозочка была очень болтлива. – Видишь ли, дорогуша, больше всего на свете люди ненавидят обыкновенность, потому что этого вокруг очень много. А любовь – это способ присвоить себе что-то выдающееся».

«А что нужно сделать, чтобы стать красивой и особенной?»

«Что нужно сделать? Пустячок: нужно всего лишь родиться такой! – надменно хмыкнула жёлтая прозочка. – И тогда о тебе будут заботиться, лелеять и вкладывать в тебя деньги. Ты будешь богатой, потому что ты красива. И знаменитой, потому что ты богата. Впрочем, я не знаю, что первично. Красота, богатство и слава взаимосвязаны и проистекают одно из другого. Но это не про тебя. Ты, Тлена, всю свою жизнь проведёшь среди скуки, равнодушия и бедности. Ты

очень соответствуешь этой обстановке».

«Тогда лучше мне умереть», – грустно сказала Тлена.

«Все и так умрут: и богатые, и знаменитые, и безвестные... – сказал помятый бес-смертник, качая колючей головкой. – Но от одних останется что-то сделанное, написанное или сказанное, а от других – пара аккаунтов в социальных сетях и чёрточка между двумя датами на дешёвом надгробии. Как в твоём случае, например».

«Тогда лучше мне умереть, и прямо сейчас, – повторила Тлена бесу-смертнику. – Ты случайно не видел здесь какую-нибудь верёвку покрепче?»

«Верёвки не видал, но тут лежит подходящий бутылочный осколок... Можешь попробовать порезать им себе вены. Но делать это нужно умело. Многие берутся. Получается у считанных единиц. Потому что успешное венорезание требует огромных усилий и огромного уважения к себе. А ещё это очень больно. Так что, не думаю, что это тебе удастся. Скорее всего, на свете просто сделается больше одной нелепой дуры с поперечными порезами на предплечье. И свои семьдесят пять скучнейших среднестатистических лет на этой планете ты исправно отмотаешь. А потом как положено умрёшь от рака. Тебя закопают и через год забудут».

«Всех забывают, – промолвила голубая забудка, выросшая в старой автомобильной шине. – Люди постоянно твердят о вечной памяти, но вечно всё забывают. И всех забывают. Даже тех, кого когда-то типа любили. Хотя, что есть любовь

и есть ли она вообще, я не знаю».

«Любовь есть! – воскликнула Тлена. – Вот я люблю Эдварда Каллена... Ой, ну, в смысле, Роберта Паттинсона. Я ради него всё бы сделала, если бы он попросил...»

«Это который Патиссон? Бездарный самовлюблённый паренёк с развратными глазами? Плохой актёр, снимающийся в плохих сериалах?»

«Это "Сумерки"-то плохой сериал?! Да я все серии собрала! И как ты смеешь, глупый цветок, катить бочку на моего Эдвардика?! Тебе просто завидно. Ты сидишь тут в своей крышечке, ничего не видишь. А потом наступит осень, ты завянешь и сгниёшь!»

«Ты тоже завянешь и сгниёшь, Тлена! – заговорили разом все цветы. – Потому что это закон жизни: все вянут и гниют, кто-то заживо. Смрад наполняет планету. И это никогда не прекратится. Ни-ког-да».

«Цветы, я вас ненавижу! И вас, деревья, ненавижу! Я ненавижу этот парк, этот город, эту жизнь! Меня тошнит...»

«Всех тошнит. Но все терпят. Потерпи и ты. В конце концов, семьдесят пять лет – это не так и много. Пролетят, не заметишь...»

Тлена заплакала и пошла домой.

Чистый воздух

Китя Грустниккин и Нытя Печальский шли в магазин за сыром, вином и фруктами. На скамейке сидела какая-то гетеросексуальная парочка и самозабвенно целовалась. Ките

стало завидно и, когда они с Нытей пошли безлюдным переулком, Китя воровски огляделся и осторожно взял Нытью за руку.

Тут же раздался ужасный шум:

– Извращенцы поганые! Содомиты! Совсем оборзели! Скоро нормальному, русскому человеку* шагу ступить будет некуда – вокруг одни гомосеки!

Источником шума был некто Сиворылов – невысокий, небрежно выбритый господин в спортивном костюме «ADEADASS» и сандалиях поверх носков.

Китя и Нытя, конечно, перепугались. А поэтому страшно осмелели. Обменявшись парой тихих нужных слов, они бесшумно подошли к Сиворылову. Безболезненно, но крепко ухватили его с двух боков, оторвали от асфальта и понесли во двор. И не было вокруг никого, кто бы их остановил. Ведь одно дело, когда два здоровых мужика на улице держатся за руки – тут уж заунывненцы проявляли самое праведное и бурное негодование, потому что были очень нравственными людьми, готовыми порвать за нравственность себе и другим всё, что можно порвать, – и совсем другое, когда те же два мужика на улице волокут куда-то третьего. Вот тут заунывненцы демонстрировали лучшие образцы корректной индифферентности, потому что были очень тактичными людьми, не любившими без большой нужды совать нос в чужие дела.

Китя и Нытя с господином Сиворыловым вошли во двор,

приблизились к помойке, аккуратно перехватили господина Сиворылова, положили в мусорный бак и задвинули крышку.

– Что вы делаете, ироды?! – закричал из окна какой-то незнакомый гражданин. – Хоть бы меня позвали! Этот придурок мне спяну балкон поджёг, до сих пор не расплатился!

– Поздно, он уже внутри, – сказал Китя, брезгливо отряхивая ладони. – Но если выберется, никто не помешает вам повторить наше несложное действие.

Когда Сиворылов вылез из мусорки, он тотчас же позвонил своему кузену, лейтенанту полиции.

– Ну, побои-то хоть есть? – с надеждой спросил лейтенант Сиворылов. – Если есть, сходи в морг и сними.

Снимать было нечего. Сиворылов даже толком и не испачкался, потому что мусор в баке сплошь был в мешках. Лейтенант Сиворылов посоветовал кузену не добавлять скорбей полиции, а разобраться с обидчиками самостоятельно, каким-нибудь неформальным тихим способом.

Судьба Сиворылову благоволила: в тот день он снова увидел на улице Китю и Нытю. Они тащили пакеты с продуктами. Сиворылов, точно ниндзя, успешно слился с уличным пейзажем – грязно-серое на грязно-сером – и вот так, почти невидимый, проследил Китю и Нытю до самого подъезда, где они жили на съёмной квартире. И подъезд этот оказался буквально в соседнем доме.

В следующее воскресенье Китя и Нытя вернулись из го-

стей и увидели, что на их входной двери китайским суперклеем приляпана бумажка:

«ВНИМАНИЕ!!! ЗДЕСЬ ЖИВУТ ИЗВРОЩЕНЦЫ-САДОМИТЫ!!!»

Ещё несколько дней спустя в соседские почтовые ящики кто-то напихал листовок, выгнанных на принтере. Там информация об «извращенцах» была подана более развёрнуто и с бОльшим количеством грамматических ошибок. Соседи реагировали по-разному. Кто-то советовал Ките и Ныте не обращать внимания на клевету, но в большинстве своём они начали смущённо их сторониться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.